

Все персонажи этой книги — плод авторского воображения. Всякое их сходство с действительными лицами чисто случайное. Имена, события и диалоги не могут быть истолкованы как реальные, они — результат писательского творчества. Взгляды и мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как враждебное или иное негативное отношение автора к странам, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

«Однажды за вами придут. Это может случиться скоро. Может быть, ваше ожидание затянется на месяцы и годы. Проект закрыт. Готовьтесь к тому, что вас могут нанять политические конкуренты создателей проекта. Вы должны беспрекословно выполнять приказы ваших работодателей».

*Обращение начальника спецкурса
к выпускникам «Инкубатора».*

В ноябре 1997 года в Министерстве обороны принято решение взять шефство над беспризорными детьми и подростками. Приказом министра обороны создана рабочая группа, руководство которой возложено на Главное управление воспитательной работы. К программе подключены представители других структур силовых ведомств. Руково-

дство ГРУ предоставляет базу на сокращаемой военной школе, чтобы создать новое учебное заведение по типу суворовских училищ.

Уволенные по сокращению офицеры-преподаватели, инструкторы военной разведки становятся в новом учебном заведении наставниками подростков. Разведывательное ведомство проводит занятия по военно-прикладным видам спорта. В то же время проходит отбор лучших подростков с перспективой дальнейшего обучения по программе спецназа. В августе 1998 года укомплектованная группа подростков в возрасте 15–16 лет выводится из единой системы военного образования Вооруженных сил как отдельная школа, получившая название «Инкубатор». Там начинает функционировать диверсионная школа, проект, получивший название «Организованный резерв».

ПРОЛОГ

РАСПРОДАЖА

Москва, август 2004 года

Дежурный по отделению милиции в очередной раз бросил взгляд на факс, полученный нынешним утром из Главка по воспитательной работе Минобороны:

«Совместно с Администрацией президента Российской Федерации, правительством России Министерство обороны проводит акцию для детей-сирот под девизом «Вам жить в XXI веке». Цель акции — улучшение воспитательной работы с несовершеннолетними гражданами страны».

Дальше шли руководящие указания сотрудникам милиции: докладывать по указанным ниже телефонам о задержанных подростках. Этот факс тут же получил в отделении внутренних дел название «Распродажа».

Ознакомившись с содержанием факса, разосланного минобороновским главком по многочисленным отделениям, отделам и управлениям Министерства внутренних дел, начальник отделения в звании майора наставительно произнес:

— Такие начинания надо только приветствовать. В стране насчитывается около миллиона беспризорников. Сегодня в камере нашего отделения побывает не меньше двадцати голодранцев.

Лейтенант позвонил по телефону, указанному в конце документа. Выслушав абонента, покивал и записал на листе бумаги: «Старший лейтенант Вадим Левицкий». Озвучил, дабы не молчать, и оставил инициативу в разговоре за собой.

— Значит, приедет старлей Левицкий. Ладно, будем ждать.

Закончив разговор, он вышел из-за стола дежурного по отделению размять ноги. Несколько раз отжался от решетчатой двери камеры, крепко схватившись за прутья и делая вид, что отжимается от пола. Задержанные подростки переглянулись. Один из них покрутил у виска пальцем и рассмеялся.

Лейтенант вытер руки носовым платком, поздно вато вспомнив о том, что задержанные всех мастей имели привычку харкать через прутья решетки в коридор. В основном слюни бомжей, грабителей, проституток, нелегалов, бритоголовых и прочего отребья попадали на прутки, и тогда решетка походила на злобный оскал слюнявого бульдога из японских комиксов.

— Михай, — лейтенант нацелил палец в парня лет пятнадцати, — сколько раз тебя забирали в отделение?

— Сколько отпускали. Раз сорок.

— Надеешься вернуться на свой родной Ярославский вокзал?

— А куда я денусь? Мне нравится здешний режим.

Лейтенант рассмеялся. Без фальши. Что сразу бросилось в глаза Михаилу Наймушину.

— Забыл киксануть?

— Я серьезно, Михай. — Лейтенант разговаривал с ним, как со взрослым. Может, по той причине, что Наймушин в своей среде был «лучшим среди равных». Он не нюхал клей, не засыпал с купюрой в ноздре. Возможно, потому, что на улице оказался всего четыре месяца назад, когда его спившиеся родители продали квартиру на Краснопрудной улице, петлей объединившей три столичных вокзала: Ярославский, Ленинградский и Казанский.

Лейтенант вернулся на место дежурного и снял трубку давно трезвонившего телефона.

— Дежурный по отделению лейтенант Абазов. Звоните по «02». Меня не волнует, что драка под окнами отделения.

Он положил трубку. Обругал пенсионера, квартира которого находилась на третьем этаже соседнего здания. Бдительный жилец не отходил от окон, выходящих на Краснопрудную, и тревожил дежурного, едва замечал подозрительных лиц и даже назревающие конфликты.

Зная, что беспокойный жилец не уймется и будет долбить, как дятел, дежурного, лейтенант прибег к помощи радикального средства, который изобрел его напарник. Он снова подошел к камере, отыскал глазами среди подростков Михея.

Пошептавшись с ним, лейтенант открыл дверь, выпустил малолетнего задержанного и снова запер камеру.

Порывшись в ящике стола, который был забит колющими и режущими предметами, изъятыми у нарушителей за последние полтора-два месяца, подобрал для предстоящей работы перочинный нож. Вручив оружие Михею, хлопнул его по плечу и проводил до выхода. Напоследок напомнил номер квартиры пенсионера и код замка:

— Тридцать четвертая, не забыл? Код 190.

— Помню. Пятнашку не дашь? За работу, ну?

Абазов порывлся в кармане, вынул помятую десятирублевку и сунул в грязную ладонь парня.

Михей обошел здание, набрал код на металлической двери и вскоре скрылся в подъезде. Поднявшись на третий этаж, внимательно изучил распределительную телефонную коробку. Определив провод, ведущий в квартиру пенсионера, обрезал его в двух местах, обрезок скрутил и спрятал в карман. Позвонил в квартиру и заложил руки за спину.

Дверь открыл старикан лет семидесяти с мохнатыми, как еловые лапы, бровями.

— Чего тебе?

— Спросить хотел. Телефон у вас работает? Мне надо на вокзал позвонить, чтобы поезд без меня не отправляли.

Михей не стал дожидаться реакции старика. У него сто раз обрезали телефонный провод, и, может быть, он впервые определил, кто именно.

Наймушин снова вышел на освещенную улицу. Чуть притормозил у отделения милиции, когда к парадному подъехал черный джип. Из машины вышел высокий парень в спортивном костюме и кожаной безрукавке и нажал на кнопку звонка. Несколько секунд спустя он вошел внутрь, забыв поставить машину на сигнализацию и запереть дверцу.

Наймушин прошел мимо. Свет из окон и фонаря позволил ему разглядеть пустой салон. В джипе никого. Он припомнил слова дежурного: «Приедет старлей Левицкий!» «Он тоже мент?» — задался Михай вопросом.

Он оглянулся на дверь отделения милиции и сосредоточил взгляд на дверце машины. Если действовать, то быстро. Он открыл дверцу со стороны водителя, скользнул за руль и наклонился, разглядывая марку магнитолы. По его губам пробежала скорая, как электрический заряд, улыбка: «Пионер» КЕН-2430. Марка не новая, с ручкой, прятанной за нижней частью панели. «Жаль, — подумал Наймушин, — нет времени снять 25-ваттные динамики». Он вытянул ручку и потянул магнитофон. Он уже выбирался из машины, когда чья-то крепкая рука схватила его за плечо. Михай первым делом выпустил «Пионер» из рук и поднял их.

Нет, он не мент, определил Наймушин. Потому что Левицкий сам нагнулся за магнитофоном, был бы милиционером — приказал бы поднять магнитофон, иными словами, взять в руки украденную вещь.

Бросив магнитофон на сиденье, Вадим Левицкий закрыл дверцу и совершил вторую ошибку. Он крепко взял Михай за руку и кивнул на отделение милиции:

— Пошли. Не заставляй меня делать тебе больно.

Михай — обладатель третьего дана «сандан» отреагировал моментально: перехватил своей левой рукой руку Левицкого, и его пальцы оказались внутри захвата, как в замке, к которому Михай резко присоединил свое тело. Со стороны казалось, что у него нарушена координация. Он сгибался, увеличивая раскручивание. Правая рука поворачи-

чивала запястье Левицкого по кругу слева направо, тогда как левая кисть поворачивалась в противоположном направлении. Под воздействием этого скручивания старлей упал на колени. Михей тут же выставил вперед левую ногу как защиту против возможной атаки.

Левицкому показалось, что этот паренек с бараньим весом одет в хакаму. Но он не был бы собой, мастером рукопашного боя, если бы, преодолевая боль в руке и нарываясь на вывих, снес парня обратной подсечкой под колено. Лежа на асфальте, Левицкий мог рассчитывать только на силу. Он был тяжелее противника в два раза, в сотни раз опытнее и все равно не мог отделаться от ощущения, что столкнулся в этот вечер с детенышем терминатора. Дальше он автоматически сработал жестче, чем требовалось против обычного пятнадцатилетнего парня: ударил его в шею открытой ладонью; удар ребром ладони стал бы для Михаила Наймушина последним.

Вглядываясь в его обескровленное лицо, Левицкий хриплым шепотом спросил:

— Кто ты?

Вопрос не глупый и не праздный. Так офицера ГРУ не разводили на татами даже шкафы весом за центнер. Причем этот паренек не атаковал, а защищался. А ведь мог добить, ударив ногой в горло. Но выставил ногу как барьер. Откуда этот по виду бродяга знаком с приемами айкидо?

— Бродяга.

— То, что нужно.

Свободной рукой Левицкий изобразил жест: «Веди себя тихо». Голова качнулась со схожим предупреждением: «Надо». И повторился:

— Пойдем со мной. На этот раз ты не сбежишь.

— Мне в лом бежать от тебя, — также с хрипотцой ответил Наймушин. — И не было никакого раза. Если бы я захотел сбежать, то не ты остановил бы меня.

— Не я? А кто?

— Фонарный столб, может быть.

В отделении милиции лейтенант Абазов встретил Наймушина насмешкой:

— Так сколько раз тебя забирали в отделение?

— Знакомый? — спросил Левицкий, не отпуская Наймушина.

— Старый знакомый, — акцентировал дежурный. — Давай, Михей, топай в камеру. Не повезло тебе сегодня.

— погоди, — остановил его гость. — Пристегни его к решетке. — Вадим проследил за ним и кивнул: — Отойдем в сторонку, пошепчемся. Куришь?

Левицкий угостил милиционера сигаретой, дал прикурить от своей зажигалки. Поглядывая в сторону обезьянника, он задавал короткие вопросы:

— Как его зовут? Где его родители? Есть ли родственники? Откуда познания в айкидо?

Лейтенант отвечал кратко. На последний вопрос ответил с затруднением.

— Точно не скажу. Он лет с двенадцати в динамовскую спортшколу начал ходить. Динамовскую, сечешь? Вроде наш человек. Поэтому отношение к нему особое.

— Тебе жалко его?

— Я пожалею его, — пообещал милиционер. — Если ты заберешь его (кивок в сторону приколотого к стене факса) согласно директивы Минобороны. Его никакой военный интернат, никакие кадила, суворовские каблук и бурсы не перевоспитают. — Милиционер сильно ссутулился, изображая горбатого. — Его могила исправит. Спорим, что через месяц, если не раньше, Михей снова окажется в этой камере?

Левицкий не стал спорить.

— Выводи остальных, — распорядился он.

Через минуту задержанные подростки стояли в коридоре и с нарастающим беспокойством смотрели на крепкого парня лет двадцати восьми. Левицкий прохаживался по коридору, надолго задерживая взгляд на подростках. Он подходил на рабовладельца, осматривающего живой товар.

— Открой рот, — потребовал он от парня по имени Виктор Скобликов.

— Сам открой.

— Не заставляй меня повторять дважды. Я хочу посмотреть на твои зубы.

— Ищешь трансплантаты для своей подруги?

Левицкий остался непроницаем.

— Если мне понравятся твои резцы, будешь играть на трубе в команде воспитанников. Если понравятся клыки — будешь рвать себе подобных в кадиле.

— А если тебе ни те ни другие не понравятся?

— Вернешься сначала на нары, а потом в канаву, откуда тебя вытащили.

Скоблик показал зубы, широко улыбнувшись. Но громко смотрел не на зубы, а в глаза, не нашел в них фальши, испуга. Не оборачиваясь к дежурному по отделу, Левицкий сказал:

— Я беру этого.

— Этот дорого стоит. — Лейтенант невольно подыграл военному разведчику, изображая работягу. — Не скажу, что он спортсмен. Но видел бы ты, какие трюки он на велосипеде откалывает. На пятый этаж по балконам заезжает.

— Куда ты меня берешь? — встрепенулся Скоблик, сверля Левицкого глазами. — Я не педик, понял?

— Заткнись, — прикрикнул старлей. — Руки. Руки вперед. — Он вынул из кармана наручники и защелкнул одно кольцо на запястье подростка. Требовательным жестом показал милиционеру: «Давай второго». Лейтенант помог гостю, вывернув Михею руку. Щелчок, и второе кольцо наручников сомкнулось. Теперь оба подростка были скованы одними наручниками.

— Спасибо. — Владелец дорогой кожаной безрукавки пожал милиционеру руку и подтолкнул пацанов к выходу.

Открыв заднюю дверцу машины, Левицкий негромко скомандовал:

— Вперед! Сидеть тихо. — И неожиданно разоткровенничался: — Нам еще по одному адресу заехать нужно.

Он сел за руль и взял направление на Сокольники. Остановив джип напротив районного отделения милиции, позвонил дежурному по сотовому телефону. Минута, и милиционер в звании сержанта вывел на улицу девушку лет пятнадцати. Он и Левицкий перебросились несколькими фразами. Кивнув, Вадим завел двигатель, и джип снова тронулся в путь. В этот раз с тремя пассажирами.

— Тебя как зовут? — спросил Наймушин, подаваясь к переднему сиденью, на котором устроилась девушка.

— Тамира.

— Тамира? Узбечка?

— Турчанка наполовину. Мать русская. Она меня Дикаркой называла.

— Разговоры! — прикрикнул водитель.

Он вел машину на высокой скорости. Еще прибавил газу, когда джип выехал за Кольцевую дорогу, и взял направление на Подольск.

Наконец он сбросил скорость и с четверть часа ехал по проселочной дороге. Остановился, когда фары выхватили из темноты ворота с красными звездами на створах, и посигналил. Ворота открылись. Джип въехал на территорию воинской части, огороженной колючей проволокой. Остановившись напротив приземистого кирпичного здания, Левицкий сказал подросткам:

— Добро пожаловать в «Инкубатор».

ГЛАВА 1

НАЙДЕННАЯ ТЕНЬ

1

Москва, август 2006 года, два года спустя

«Чем больше шкаф, тем он громче падает». Это высказывание пришло на ум Александру Матвееву на плановом совещании в оперативном управлении ФСБ. Он не понимал, почему его, отставного офицера контрразведки, пригласили на планерку.

Матвеев научился предчувствовать, когда и для кого плановое совещание перейдет в экстренное или непредвиденное. Еще никогда он не слышал столько резких слов в адрес Центра антитеррора. Моложавый и энергичный генерал-майор Бурцев, личный помощник директора Службы, начал спокойно, рассудительно, даже вкрадчиво:

— Меня удивляет не существование «Альфы». — Потом вдруг сорвался на крик: — Меня бесит уровень ее неудач! Карабах за Карабахом!¹ Даже я, видевший все, не видел такого. Мы стали походить на отряды МЧС, которые только и делают, что выкапывают из-под руин трупы и хоронят, выкапывают и хоронят. Ничего похожего на то, что издавна называется профилактикой. Пленку! — по старинке распорядился он и повернулся к огромному экрану плазменного телевизора. Вначале на экране промелькнул интеллигентный директор Федеральной службы безопасности; он сидел в окружении замов и готовился увидеть показательные

¹ На языке разведчиков — провал.

выступления спецназовцев. Едва здоровый парень за сто килограммов весом pistolетным огнем и эффектными приемами карате условно уничтожил пятерых противников, Бурцев немедленно прокомментировал:

— На этом показательном фоне должны бы проглядывать успехи. За последнюю неделю на Северном Кавказе мы потеряли тринадцать человек. Пятеро погибли во время спецоперации в Ингушетии. Причем, заметьте, противник окопался в доме. Как волк, был обложен ротой армейского спецназа, бойцами территориальной группы «А» под прикрытием роты мотострелков. Я попросил сравнить две вещи: сколько боеприпасов было потрачено на плановых учениях, на которых присутствовал шеф, и сколько расстреляли наши спецы в Ингушетии только в одной операции. Так вот, сравнение не в пользу вышеназванной республики. Хронология событий. Вначале пятеро бандитов заняли третий этаж жилого дома, затем были вынуждены спуститься этажом ниже. Смешки в зале!.. Я повторяю: этажом ниже. Поскольку вышеназванного этажа больше не существовало — его снесли огнем из пушек и минометов. Затем бандиты, потеряв двух товарищей, в течение пяти часов огрызались ответным огнем с первого этажа. Там их ряды поредели до двух человек, и, больше не имея над головой крыши, они спустились в подвал. Оттуда по рации запросили двухчасовую передышку. Еще двенадцать часов они противостояли полку, включая милицию, контрразведку, спасателей и бойцов прочих силовых ведомств. Меня так и подмывает вслух поразмышлять о системе коммуникаций между домами. Мы бы там камня на камне не оставили. И я хочу спросить: почему мы вдруг перешли на странную тактику: хоронить бандитов всех мастей в подвалах жилых домов? Кто назовет мне имя этого стратега? Десять лет назад эта пятерка бандитов не продержалась бы и часа. Дом остался бы цел. И тому одна причина: спецгруппа не превышала бы десяти человек. Действовала бы скрытно, как и полагается. Примером могут послужить успешные спец-

перации за рубежом. Хотя и в этом направлении у нас не все ладно. Мы провалили секретную операцию в Кувейте. Даже тем, кто не в курсе этой операции, я хочу сказать: мы снова потеряли опытных агентов. Полковник Матвеев, вижу, у вас есть возражения.

— Никак нет, товарищ генерал! — слегка опешил отставной контрразведчик. Он не выдал себя ни жестом, ни голосом; боялся почесаться под грозным взглядом человека, которого Матвеев в свое время назвал прекрасным исполнителем — азартным, виртуозным. И всегда удивлялся, почему Бурцев не закажет себе оригинальную форму: не кургузый мундир, а фрак.

— Что же у вас есть?

— Реплика, — признался Матвеев.

— Не вижу разницы, — хмыкнул генерал. — Так что ты хотел сказать?

Эту привычку — называть подчиненных то на «вы», то на «ты» — знали все присутствующие в зале.

— Чем больше шкаф, тем он громче падает, — заявил Матвеев, тут же отмечая гробовую тишину в зале. Он посчитал, что морально имеет право рискнуть вставить реплику, ибо он уже три года не работал в службе безопасности.

— Большими шкафами ты назвал бойцов группы «Альфа»? Объяснись! — повысил голос генерал.

«Сей-час», — отдельно и с выражением бросил Матвеев. Прислушался к внутреннему голосу: «Бросай дуть на искру».

Он встал, застегнул пуговицу на пиджаке, одернул полы.

— «Альфа» сейчас и «Альфа» образца хотя бы 1991 года — два разных подразделения, — начал Матвеев, вдруг почувствовав, что в нем родился строгий критик, или умер, неважно. — Теперь в каждом регионе функционирует территориальное подразделение, именуемое «Альфой». Чаще всего бойцов, имеющих документы прикрытия, называют «тяжелыми фейсами», что не мешает им относиться к Цен-

тру антитеррора. То есть любой мало-мальски подготовленный спецназовец в штурмовой униформе — «легендарный ашник», — продолжал Матвеев, все еще чувствуя на себе суровый взгляд генерала. — Предназначение «Альфы»¹ — борьба с терроризмом. «Альфа» была создана после того, как в 1974 году террористами был захвачен и угнан в Турцию пассажирский самолет «Ту-154». Тогда еще погибла бортпроводница Надя Курченко, — вспомнил Матвеев. — Затем был сформирован отдел из двадцати пяти хорошо подготовленных сотрудников, который отрабатывал тактику освобождения заложников, приемы рукопашного боя. И в этом плане, товарищ генерал, вы правы: к чему сотни «ашников», когда двадцать пять профессионалов могут выполнить любую боевую задачу.

— Резонно... Совещание окончено, — неожиданно отрезал Бурцев. — Для всех, кроме полковника Матвеева.

2

Как на привязи, Матвеев проследовал за генералом в его кабинет, выходящий окнами на кирпичную стену соседнего здания. Занял место за столом для совещаний, где прождал хозяина кабинета не меньше десяти минут. Он не слышал, что происходит в задней комнате. Генерал либо приводил себя в порядок после двухчасового выступления, буквально жарясь под светом двух ламп, либо просто отдыхал на диване.

Он появился со стаканом минеральной воды, сел напротив подчиненного. Казалось, совещание продолжалось.

— Не хочу сказать, что мне понравилась твоя реплика, — напомнил Бурцев о «громко падающих шкафах». — Но подумай над следующим. Что, если придерживаться смысла этой фразы?

¹ Ранее отдел «А» 7-го управления КГБ.

Матвеев приподнял брови: «И что?»

— Управление готовит серьезную операцию в Италии.

— Я что, был замечен в громкой ссоре среди консултантов по «сапогу»? Я три года выращиваю картошку, морковку на подмосковной даче, подумываю завести гусей, индиуток.

— Кого?

— Индиуток. Смесь индейки с уткой.

— Смесь? Ты что, смеешься надо мной?

— Нет. Ест мало и медленно, а вес набирает быстро.

Предчувствуя неладное, Матвеев поставил перед собой задачу вывести генерала из равновесия. Он видел себя, безвольного, в его руках. Они-то и выталкивают отставника из кабинета; вслед несется: «Пошел вон! И чтоб ноги твоей здесь не было». Но Бурцев на очередную вольность Матвеева даже бровью не повел. То есть, заметил Матвеев, его брови пришли в движение, словно сигнализировали: «Вот оно».

— Мало ест, а вес набирает быстро, — повторил генерал. — Я как раз интересуюсь такой особью.

— То есть мной?

— Да. Но учти, Александр Михайлович, предложение прозвучит один раз. Подумай, прежде чем отказаться.

— Почему я? — сменил тон Матвеев.

— Тому много причин. — Бурцев повторился: — Мы готовим серьезную операцию в Италии. По самым скромным оценкам экспертов, подготовка займет три-четыре месяца. Нам же предстоит уложиться в две-три недели, максимум — четыре. Нет, ты не единственный, кто способен уложиться в столь сжатые сроки. Мы не рассчитываем на понимание с твоей стороны. Лично я делаю упор на интересную работу. Это первое. Второе. У тебя остались связи на хорватско-итальянской границе. Собственно, эти связи и стали причиной твоей отставки.

— Здорово, — сказал Матвеев, невольно прикидывая разницу в возрасте: он на девять лет был старше начальни-

ка. — Значит, я с этой операции поимею спортивный интерес, — и посмотрел на генерала так, словно он был рыночным кидалой.

— Можешь рассчитывать на солидное вознаграждение.
«Вцепился, как жена в космы неверного».

— Какого рода операция? — спросил Матвеев безразличным тоном.

— Нужно понизить в должности одного человека. Отнюдь не мстительный карьерист, готовый на все ради продвижения вверх по служебной лестнице.

Бурцев сам подошел к двери, выключил верхний свет. Пультom включил телевизор. На экране появилось изображение генерала Фокина, который пошел по стопам предателей от военной разведки: Олега Пеньковского, расстрелянного в 1963 году, Дмитрия Полякова, Николая Чернова, Анатолия Филатова, Геннадия Сметанина, Владимира Резуна.

— Николай Фокин, — снова раздался голос генерала Бурцева. — С отличием окончил Ульяновское гвардейское танковое училище, Военную академию Генштаба. Работал в 10-м управлении Генштаба, затем получил назначение в ГРУ. Этому шагу немало способствовал бывший начальник Генштаба, который на протяжении пяти лет был ангелом-хранителем Фокина, заодно его тестем. На дочери главного штабиста Фокин женился, едва ягодка созрела.

— Ей исполнилось сорок пять? — невинным голосом спросил Матвеев.

— Восемнадцать, — внес существенную поправку Бурцев. — Не без консультаций с Фокиным был развален Приволжский военный округ, зародилась неприкрытая вражда между Генштабом и Минобороны, из военного бюджета были выведены огромные средства — около полумиллиарда долларов. Эти деньги осели на счетах подставных фирм за рубежом. В общем, им было что делить.

Следующая фотография. На снимке Фокин изображен в компании начальника Генштаба. Река, мангал, катера у бе-

рега, стол, сервированный импортной водкой, отечественной икрой, дымящимися на прохладном воздухе шашлыками. Надпись в правом нижнем углу: «Набережные Челны». И дата.

— За год до отставки начальника Генштаба Фокин готовится к первой зарубежной командировке в Италию в качестве военного атташе и резидента ГРУ, — продолжал Бурцев, выбрав режим показа слайдов через каждые десять секунд. — И точно в день и час отставки своего покровителя явился в итальянскую контрразведку. Там он в первую очередь заговорил о денежном вознаграждении, пособии, поставил условия. Через несколько часов он уже беседовал с заместителем директора ЦРУ, который спешно прилетел самолетом в Рим. Однако предложение отправиться за океан Фокин отклонил.

— Наверное, рассудил, что и за морем житье не худо.

Бурцев прищурился, глядя на Матвеева, но снова спустил ему вольность. Он продолжил:

— Он отклонил и другое предложение: вернуться в российское посольство и стать шпионом. Он понимал, что его отправят на родину первым же самолетом, а по прибытии отвезут к нам на Лубянку. Он раскрыл резидентуру СВР и ГРУ в Италии. На родину отправили сорок российских офицеров, работающих под дипломатической крышей. Рухнула карьера резидента внешней разведки — он оказался в числе высланных.

— Да, я изучал дело Фокина. Американцы так обрадовались и поспешили, что отклонили вполне рабочую версию: использование Фокина в качестве тайного канала для передачи на Запад информации и дезинформации. — Незаметно для себя Матвеев втягивался в беседу.

— Разумеется, — подтвердил Бурцев. — Вне зависимости от того, что именно сообщил Фокин иностранной разведке, он навечно войдет во всемирную историю тайной войны. Но к черту американцев и итальянцев. Что скажешь о «российской составляющей»?

Ответ напрашивался сам собой.

— Фокин был пешкой в игре между Минобороны и Генштабом, — ответил Матвеев.

— Эта тема долго не сходила со страниц газет и журналов. Устранением недостатков в работе этих двух мощных аппаратов занимался лично глава государства. Он знал о состоянии дел в Вооруженных силах, имея канал получения достоверной информации в нашем ведомстве.

Матвеев об этом знал. Для Федеральной службы безопасности нет запретных тем и фигур в Минобороны. В случае необходимости оперативная разработка может вестись даже в отношении начальника Генерального штаба и министра обороны — при наличии формальных на то оснований. Директор ФСБ пользуется исключительным доверием президента. Но почему Верховный главнокомандующий позволил развалиться военному округу, дал разгореться вражде между Минобороны и Генштабом?

Этот вопрос Матвеев адресовал шефу.

— Пробел может восполнить сам Фокин, — ответил Бурцев.

— Его надо выкрасть и допросить? — Матвеев продолжал валять дурака.

— Генерал-перебежчик намерен в самое ближайшее время опубликовать часть секретных материалов, компрометирующих военную и политическую верхушку страны. Работа над книгой, где авторские и консультативные права будут принадлежать генералу, займет не больше трех-четырёх месяцев. Генерала нужно остановить. Пресечь авторскую работу на корню.

Бурцев прошел по кабинету, заложив руку с пультом за спину. Высокий, сильный, похожий на Джеймса Бонда из последней серии, отметил Матвеев.

— Еще вчера я не был уверен в выборе. Сегодня определился окончательно. У тебя оригинальный взгляд на вещи. Это так же влияет на то, как ты добиваешься успехов. В чем секрет?

— Просто вкалываю. — Матвеев выдержал паузу. — Я уже три года не работаю по Италии и Хорватии. Моя зона ответственности — шесть соток в Подмосковье.

— Это не меняет дела. Я подробно ознакомлю тебя с заданием. Возникнут вопросы — обращайся. Но уже в процессе подбора кандидатов на операцию. За основу возьми безупречную легенду, профессионализм агентов. Полагаю, не стоит напоминать тебе, что операция по эвакуации является неотъемлемой частью всей силовой акции.

В голове Матвеева родился вопрос: «Ищете оригинальное решение?» И так же мысленно получил короткий ответ: «Именно».

— Кто возглавит оперативный штаб?

Бурцев покачал головой, давая понять, что он пока не решил этот вопрос.

— А тебе советую не тянуть резину. Тебе нужен надежный партнер. Кого возьмешь в напарники?

— Майора Тартакова из профильного отдела военной контрразведки.

Генерал незаметно улыбнулся: выбор Матвеева был ожидаемым. Майор Тартаков по праву считался лучшим офицером по боевому планированию. Плюс офис профильного отдела располагался в здании на Большой Дмитровке и даже получил неофициальное название Частное бюро расследований.

Полковник дожидался обычного: «Вопросы?», чтобы начать решение головоломки еще в коридорах Лубянки. Пауза затягивалась. Матвеев не мог понять, чего медлит генерал.

— Товарищ генерал, мне взять на вооружение ваше выступление на совещании?

— Мою несдержанность имеешь в виду? — насупил брови Бурцев. — Если я произвольно что-то сказал, никто, и ты в том числе, не должен этого замечать. Никогда не ставь начальство в дурацкое положение. К тому же ты плохо слушал. На твой вопрос я уже дал ответ, и он кроется

в твоей реплике. И еще одно: сегодня я не склонен к шуткам. Иди. И не просто иди, а прямиком направляйся в профильный отдел. Ты будешь заниматься подбором кандидатов в группу разведки и обеспечения — наиболее трудоемкая и тонкая работа. Майор Тартаков возьмет на себя основную группу — работа чуть полегче. Обе группы должны быть взаимозаменяемы. Название операции — «Безусловная реализация». Вопросы?

— Только один. Название операции придумал Буш?

Уступая ностальгии, Матвеев заглянул в кабинет, порог которого он не переступал три года, и мельком огляделся. Почти голые стены — в смысле, нет ни одной карты мира, Российской Федерации или Узбекистана, откуда был родом новый хозяин. Зато стол завален. Пара сотовых телефонов, несколько пачек прилипашек разного цвета и полный стаканчик авторучек, карандашей и фломастеров, диктофон...

— Вам кого?

Поскольку Матвеев на вопрос не ответил, хозяин кабинета насупил брови:

— Кого вы ищете?

— Свою тень, может быть, — ответил Александр Михайлович.

ГЛАВА 2

ПРОСПЕКТ НЕЗАВИСИМОСТИ

1

Через полчаса служебная «Волга» остановилась напротив двухэтажного здания, построенного в 1939 году. После коротких процедур на контрольно-пропускном пункте отдела военной контрразведки ФСБ, расположенном в середине просторного холла, где дежурный отметил Матвеева в постовой ведомости, полковник поднялся на второй этаж. Открыл массивную дверь и уже с порога предложил:

— Слышал, твой секретарь в отпуске. Мне разрешили занять его место. Привет, Женя.

Майор Тартаков рассмеялся:

— Кофе, свежую прессу, Александр Михайлович. И побыстрее.

Матвееву при встрече с майором всегда хотелось по-доброму съязвить: «Вот что-то у тебя не пошло по службе». Тартакову тридцать девять, считай, лет десять носит одинокую майорскую звезду, и звезда, похоже, не собирается раздвоиться или превратиться в генеральскую звезду. Тем не менее ему не было равных в плане боевого планирования. Но не только Матвеев, все в управлении знали причину, которая не позволяла майору подняться по карьерной лестнице. Он любил праздновать успехи и нередко уходил в запой. Лишь признание заслуг в качестве классного планировщика служило ему спасательным кругом.

— Занимай мою половину, — предложил Тартаков.

— А ты?

— Устроюсь в приемной. Начальник профильного отдела в курсе, так что нам не станут докучать вопросами. Нам разрешили беспрепятственно пользоваться запасным выходом.

— Это относится и к нашим клиентам?

— Разумеется.

— Как в адвокатской конторе, — сравнил Матвеев. — Или в публичном доме. Жена в одну дверь, сохатый в другую.

Матвеев прошел в кабинет, снял пиджак и повесил его на спинку стула. Краем глаза он наблюдал за хозяином и мысленно прикидывал, на какой срок он остановился здесь. Едва не взмолился, вот только сейчас, прикинув объем работы. Ему предстояло сжать реальные сроки операции, определенные экспертами в три-четыре месяца, в разы. Хорошо бы уложиться в четыре... недели. С другой стороны, «долбальники» — затянувшиеся дела — полковник не любил.

Он вышел в приемную и застал майора возле карты мира, занявшей полстены. Отметив на ней Венецию, Тартаков острым ногтем прочертил маршрут до Хорватии и едва не разрезал карту.

— Удобный коридор для эвакуации. Из Хорватии в Венецию налажено постоянное сообщение. На крайний случай агенты могут воспользоваться скоростными катерами.

— Почему именно Хорватия?

Майор рассмеялся:

— Потому что это снова твоя зона ответственности.

— Что еще? — недовольно нахмурился Матвеев.

— Сотни островов адриатической Хорватии. Есть где надежно затеряться.

Матвеев невольно включился в работу, которую на данный момент посчитал преждевременной: раздеться не успели. И указал на другой итальянский город:

— Триест. Его от хорватской границы не километры, а метры отделяют.

— Тоже вариант, — отозвался Тартаков. — Только в Триесте погранконтроль сумасшедший.

Майор выдержал паузу.

— Что тебе сказал шеф?

— Наверное, то же, что и тебе. Один телефонный звонок, и ты уже знаешь больше меня. Планируешь отход через Хорватию в то время, когда я планирую отход домой.

Майор то ли стушевался, то ли сделал вид, что смутился.

— Меня посветили в детали операции неделю назад, — пояснил он. — Твоя кандидатура также прошла семь дней назад.

— Почему шеф тянул резину?

— Не в курсе. Точно знаю, что других назначений не было.

— Ты говоришь как о генеральской звезде. — Матвееву не суждено было удержаться от язвительности. — Выходит, мой партнер оброс, как дикобраз, деталями, а я узнал о своем назначении на должность руководителя спецопе-

рации спустя неделю. Нехило. Пришел на все готовое. Женился на матери-героине — все, что нужно было сделать, кто-то сделал за меня и явно перестарался. Рассказывай, — потребовал он ответа.

— Шеф приказал подобрать агентурную группу.

— Знаю. Вы уже нарыли кандидатов?

— Пара-тройка групп на примете. Нам даны полномочия подбирать кандидатов из силовых структур МВД, юстиции, прокуратуры, ГРУ.

— Выброси их из головы. Я лично займусь этим вопросом.

— Как скажешь. А вообще, работа интересная, правда?

— Правда. — Матвеев поиграл бровями. — Если с напарником повезет.

Он ушел к себе в кабинет, спиной чувствуя насмешливый взгляд майора. Хотя нет, наверное, сочувствующий взгляд. А есть разница? В данной ситуации никакой.

Дотянуть до конца рабочего дня ему помогла пресса — Тартаков подкинул пару номеров «Проспекта независимости» недельной давности. Относительно свежий номер Матвеев прихватил с собой.

2

Он приехал домой в восьмом часу вечера. Неважное настроение едва не подвигло его отказаться от ужина, объявив голодовку — генералу, женщине, с которой он состоял в гражданском браке, и ее дочери — с бородатым обоснованием: «Я есть хочу, но есть не стану. Свободу Луису Корвалану!»

Вспомнив о «Проспекте независимости», читать начал с рубрики «Знаменательные даты августа».

«23 августа 1998 года в Нахимовском военно-морском училище прошли торжества по случаю приема новой группы учащихся. Напомним, что в ноябре прошлого года в Министерстве обороны РФ было принято решение взять шеф-

ство над беспризорными детьми и подростками. Начальник Главного управления воспитательной работы ВС РФ генерал-лейтенант Виталий Кунаков рассказал журналистам о том, что идея шефства над сиротами принадлежит министру обороны России Маршалу Российской Федерации Игорю Сергееву. Она была поддержана на Коллегии Министерства обороны РФ, состоявшейся 15 ноября. При Министерстве обороны создана рабочая группа, руководство которой возложено на Главное управление воспитательной работы Вооруженных сил РФ»¹.

Матвеев еще не понял, почему его так взволновала рядовая, в общем-то, статья, датированная августом 1998 года. Что-то еще знаменательное крылось в «знаменательной дате августа».

И он мысленно перенесся в далекий 1998 год. У него была отличная память, но он все же решил освежить ее с помощью личной базы данных, хранящейся в компьютере. Все данные были открытыми, содержание статей и документов можно было без труда найти в электронных средствах массовой информации, в газетных подшивках солидной библиотеки.

Он нашел документ, который стал продолжением недавно прочитанной статьи.

«При Минобороны создана рабочая группа, руководство которой возложено на Главное управление воспитательной работы ВС. Начальник главка заявил, что рассматривает решение как составную часть военной реформы. Для разработки программы в рамках Координационного совета при президенте РФ планировалось подключить представителей других структур силовых ведомств — Главного разведывательного управления в частности».

Матвеев оставил компьютер и вышел на лестничную площадку. Прикурив, стал смотреть на герань в горшке, точнее, стал смотреть через мелкие цветы на вечернюю

¹ По материалам «Независимого военного обозрения».

улицу. Теперь ему не требовалось никаких документов. Он вспомнил название секретного проекта военной разведки — «*Организованный резерв*».

В 1998 году стаж Александра Матвеева в Управлении военной контрразведки насчитывал семь лет. Это мощное подразделение имело собственный оперативный и агентурный аппарат во всех без исключения структурах Вооруженных сил — от отдельного батальона и полка до Генерального штаба включительно. Он был одним из немногих офицеров военной контрразведки, кто знал о проекте «Организованный резерв».

Подростковый возраст самый удобный, подумал он, прикурив очередную сигарету и поздоровавшись с соседом-пенсионером. Характер человека в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет легко поддается лепке. Из подростка можно сформировать кого угодно. Ему легко прививаются патриотизм, ответственность и так далее. Он не мог вспомнить имя офицера, который курировал курс. Тот был в звании полковника, являлся директором школы-интерната, получившей название «Инкубатор». Матвеев лишь помнил фрагменты отчета, и вот сейчас, стоя на лестничной площадке, обутый в домашние тапочки, он мысленно анализировал их.

Не прибегая к новейшим (и неоднократно использованным) технологиям вроде «универсальный солдат», «слоны» в «Инкубаторе» воспитывали именно универсальных солдат. За два года была создана первая группа молодых людей в возрасте восемнадцати лет. Парни прошли более длительные курсы по системам базирования в тылу противника в районах средней полосы, а также в горных районах. Они освоили такие дисциплины, как преодоление и уничтожение инженерных препятствий, маскировка и наблюдение, выживание в экстремальных условиях. А также тактико-специальную подготовку разведчиков: подготовка к операции и заброска в тыл врага, переход в заданный район, диверсионная работа и отрыв от преследования, захват пленных и документов.